

УДК 821.161.1

ТВОРЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПОЭТИКИ В. ВЫСОЦКОГО**Петушова В.А.***д. филол. н., профессор**Бирский филиал БашГУ**г. Бирск, Российская Федерация***Устюгова П.О.***студентка факультета филологии**и межкультурных коммуникаций**Бирский филиал БашГУ**г. Бирск, Российская Федерация***Аннотация**

В работе рассматриваются художественные особенности, лирический герой и конфликты стихотворений В. Высоцкого. Дается характеристика философским размышлениям писателя, доказывается, что стихи В. Высоцкого – исключительное явление русской культуры, неповторимость им, помимо идейно-эстетических достоинств, придает колоссальная содержательная насыщенность текстов, которая явственно отличает творчество поэта от классиков и современников.

Abstract

The work discusses artistic features, lyrical heroes and conflicts of poems by V. Vysotsky. A characteristic is given to the philosophical reflections of the writer, it is proved that the poems of V. Vysotsky are an exceptional phenomenon of Russian culture, their uniqueness, in addition to ideological and aesthetic merits, is given by a colossal substantial saturation of the texts, which clearly distinguishes the poet's work from classics and contemporaries.

Ключевые слова: В. Высоцкий, философская поэзия, лирический герой, человек и природа, человек и война, символика, психологизм образов.

Keywords: V. Vysotsky, philosophical poetry, lyrical hero, man and nature, man and war, symbolism, psychology of images.

Приход В. Высоцкого в советскую поэзию при всей своей неожиданности был в значительной степени закономерен. Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. – время, которое и сегодня общественным сознанием оценивается как «время надежд». Это было начало поэтического творчества дерзкой и талантливой плеяды «громких лириков» – Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского; становление «овечкинского периода» в нашей литературе, когда суховатый и нелицеприятный очерк взял на себя большую часть литературной нагрузки и когда аналитические выкладки, сатирические портреты В. Овечкина («Районные будни») и Г. Тропольского («Записки агронома») впервые заставили общественность задуматься над вопросами экономической, политической организации нашей жизни в государственном и нравственно-духовном аспектах.

В творчестве В. Высоцкого было много такого, что невозможно втиснуть в прокрустово ложе привычных представлений. В его песнях были и сарказм, и ирония. Советские критики находили в них «упадочнические мотивы» и «рекламу антиобщественных элементов». Стихи его не печатали, песни на радио и телевидении не исполняли, считая их приклатненными куплетами улицы. Однако голос его доходил до поклонников барда с магнитофонных лент и записей, сделанных на рентгеновских пленках. Его песни сразу запоминались. Если он пел о войне, то смотрел на нее глазами рядового солдата. Ему не довелось воевать, война застала его ребенком, но он был

сыном военного и многое знал о фронте и тыле. Если же пел он о жизни вокруг себя, то видел ее суровые стороны, потому в голосе его было так много жесткой беспощадности.

Стихи В. Высоцкого – исключительное явление русской культуры. Неповторимость им, помимо идейно-эстетических достоинств, придает колоссальная содержательная насыщенность текстов, которая явственно отличает творчество поэта от классиков и современников. Как серьезно относился В. Высоцкий к жизни, как много он возлагал на нее надежд, с какой горячностью откликался на все то, что мешало жить людям. Он был одним из певцов, которые высмеивали недостатки нашей жизни, радовались ее успехам.

Несомненно, песенно-поэтическое творчество В. Высоцкого тесно связано с общественной ситуацией 1960-х – начала 1980-х годов, с житейской и творческой биографией и личными качествами. Новаторство В. Высоцкого в авторской песне ощущалось настолько остро, что не оставалось никакого сомнения: талант поэта-песенника синтетичен. И жанр, в котором этот талант проявился, уникален. Да, песни В. Высоцкого находились «на стыке» трех систем жанров: литературного, музыкального и, условно говоря, эстрадно-исполнительского.

Слав поэзии и музыки позволил В. Высоцкому в эпоху застоя «докричаться» до масс, разбудить разум и души людей. Время, в которое он жил, было враждебно ему своей тишиной. И вот тут-то и раздался и вскоре зазвучал по всей стране

голос барда. «Он был вызван к жизни самим временем. Он создал в своем творчестве тот новый характер «героя», потребность в котором уже давно стала назреть в нашем обществе <...> Отсюда его работа на износ, отсюда же хриплый, надрывный голос – надо было успеть сказать людям так много, а сил было мало, и он был один» [1, с. 43].

В. Высоцкий написал более шестисот песен. Это неслыханно много, и естественно, что, как в горном хребте есть вершины повыше и пониже, так и песни у него есть пронзительные до боли, а есть забавные или горькие, нежные или едкие, и все – разные. «В мировой песенной практике, которая сейчас породила тысячи исполнителей и авторов, нет, говорят сведущие люди, ничего похожего на тот многоцветный и многолюдный мир, который возникает в песнях Владимира Высоцкого. Кажется, что Россия спрессовалась в ком любви и боли, веселья и отчаяния, горьких раздумий и пронзительных озарений. Народ не дарит свою любовь случайным людям» [2, с. 102] – писал Александр Митта в 1980 г. Заслуга В. Высоцкого как поэта прежде всего в том, что он смело ввел в литературу яркий и сочный, многозвучный и мусорный язык улицы, все многообразие различных слэнгов – от блатарей до спортсменов. Его песенные стихи, несмотря на их внешнюю обманчивую простоту, сложны и по смысловому, и по метафорическому наполнению, полифоничны. Сложные песенные строки В. Высоцкого с изысканнейшими четырехстопными и дактилическими рифмами поются на свободном дыхании и звучат как естественный разговор. Наряду со звучными и неожиданными ассонансами и метафорами В. Высоцкий как настоящий художник стремительно развивает сюжет на лаконичном песенном пространстве. Его герои точно и выпукло обозначены даже в самых, казалось бы, скупых диалогах.

Такое обилие и многообразие реалий в произведениях В. Высоцкого говорит о желании поэта охватить весь мир и высказаться. Его поэтика неповторима. Масштабы и уникальность поэтического творчества В. Высоцкого бесспорно заслуживают достойное место в отечественной словесности.

Впечатление от многочисленных песен В. Высоцкого (примерное их число 620-630) такое, будто он пытается объять необъятное, словно ему до всего и до всех есть дело. Это целая вселенная явлений, сюжетов и героев, им подсмотренных и

выхваченных из потока жизни, таких узнаваемых и простых. При этом подлинность его песен такова, что у многих появляется убеждение, что это он сам все прожил и пережил: и воевал, и прыгал с парашютом, и был матросом, и золотоискателем, и шахтером и даже малость «посидел» когда-то. Это происходит оттого, что главная установка В. Высоцкого – быть с людьми, то есть не около и не рядом, смотреть на них не со стороны, не свысока и не снизу.

Для поэта нет мелочей, мелкотемья, потому что он не просто фиксирует, передает, отражает жизнь. В каждом, казалось бы, заурядном, незначительном факте он находит общеинтересное, всеобщее, поднимается до философского осмысления житейски близких тем и проблем. И в исторических стихах по векам путешествует наш современник, надевая то шкуру, то римскую тогу, то рыцарские латы. А главная мысль автора заключается в том, что добро остается добром, а зло – злом в прошлом, будущем и настоящем.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В своих стихах В. Высоцкий неизменно обращается к нашим душам. Он всерьез озабочен желанием сдвинуть с мертвой точки человека, погруженного в состояние самоуспокоенности или того хуже – самодовольства, поддавшегося «соблазнам» обывательского существования. Чаще он мягко, с пониманием иронизирует, вышучивает эти человеческие слабости. Но если невежество, хамство, мещанство воинственны, непроходимы – открыто и зло издеваются. С такого рода людьми у В. Высоцкого особые счеты.

Его персонаж мог быть не всегда правильным, примерным, идеальным, скорее, наоборот. Но в нем нет пустоты, прикрытой корректными словами. Мы читаем стихи и видим его героя – мятущегося, искреннего, открытого, яркого, небезразличного. Его герой, вне зависимости от уровня образования, – это человек с объективной самооценкой, которого ни одна система не сумела вынудить расписаться в собственном ничтожестве.

Литература:

1. Долгополов Л. Стих – песня - судьба. – СПб., 2016.
2. Митта А. Всей правды о Высоцком не знает никто. – М., 1992.

© В.А. Петишева, П.О. Устюгова, 2020

“СМЕРТЬ” И “НОЧЬ II” ЛЕРМОНТОВА В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Татевосян Рузан Вачеевна
*доктор филологических наук, профессор
 Армянский государственный педагогический
 университет имени Хачатура Абовяна,
 г. Ереван*

“THE DEATH” AND “THE NIGHT II” OF LERMONTOV TRANSLATED INTO ARMENIAN

*Tadevosyan Ruzan
 Doctor of Philology, Professor,
 Armenian State Pedagogical University
 after Kh. Abovyan, Yerevan*

Аннотация

Исключительным интересом к Лермонтову в армянской действительности объясняются неоднократные обращения не только к его наиболее известным, но и к ранним и не очень известным произведениям. В статье рассматриваются два перевода стихотворения “Смерть” (В.Давтяна и В.Бабаяна) и перевод “Ночи II” (В.Геворкяна). Отмечается изменение строфики, усиление богоборческого пафоса, эмоциональное выделение в переводах отдельных строк.

Abstract

The repeated appeals not only to the most famous creations of Lermontov but also to the earliest and not very known ones are explained by the exclusive interest towards him in the Armenian reality. The article deals with two translations of the poem “The Death” (by V.Davtyan and V.Babayan) and the translation of “The Night II” (by V.Gevorgyan). The change of prosody, the increase of God-struggling zeal, the emotional assignment of some lines in the translations is pointed out.

Ключевые слова: философские стихотворения; строфика; перевод; множественность интерпретаций; интонационный строй; богоборческий мотив; анафоры.

Key words: philosophical poems; prosody; translation; multiplicity of interpretations; intonational order; God-struggling zeal; anaphors.

Переводы, являясь неотъемлемой частью историко-литературного процесса, отражают основные его закономерности, выявляют внутренние потребности культуры, “встречные течения” (Ал. Веселовский). Некоторые переводы становятся единичным вектором в отдельном временном промежутке. Другие утверждают “присутствие” переводимого автора в отечественной культуре множественностью разновременных обращений к его произведениям.

К Лермонтову в армянской действительности интерес был особый, исключительный, хронологически исчисляемый с 40-х годов 19 века до переводов, создаваемых в наше время, в веке 21-м. За это время переводятся, и по нескольку раз, не только “избранные”, наиболее известные произведения, не только созвучные армянской литературе по тематике (“кавказские”, “изгнаннические” и т.д.), но и, например, написанное на французском языке стихотворение “Non, si j'en crois mon esperance...” (“Ոչ, իմ հույսիս հիշխմանը”), ранние “Ночи” и т.д.

В статье мы рассматриваем два перевода стихотворения “Смерть”, вторая половина которого является переработкой стихотворения “Ночь I” (“Я зрел во сне, как будто умер я”) и перевод “Ночи II”.

Стремление определить свое отношение к миру, к великой тайне жизни и смерти выразилось в философских стихотворениях Лермонтова 1830-го года (“Ночь I”, “Ночь II”, “Ночь III”).

Мемуаристы отмечают “неразлучность” Лермонтова с “огромным томом Байрона” в это время. Литературоведы подтверждают такую “неразлучность” исследованием общности мотивов, композиционных и метрических особенностей. Отмечалось также, что разделение ночных дум на главы восходит к поэме Юнга “Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии”.

Как и у Байрона (“Тьма”, “Сон”), у Лермонтова “Ночи” представляют монолог героя, пересказ страшных, эсхатологических картин сна в форме безрифменного пятистопного ямба.

В “Смерти” (“Ласкаемый цветущими мечтами”, 1830-1831) вторая половина стихотворения (с 70-ой строки) является переработкой стихотворения “Ночь I” (“Я зрел во сне, как будто умер я”).

Пробуждение от сна, навевающего цветущие мечты, оказывается также сном (“Но пробуждение тоже было сном”). Лирический герой “вдвое обманут был воображеньем”. В этом пробужденье-сне он ощущает “хладное дыханье” смерти: тело расстается с душой. Его терзает последнее сомнение: как можно чувствовать блаженство или горькие страдания вдали от земли, где он искал самопознания, где любил и терял. И в этих размышлениях наступает забвение: душой забылся и снова жил, но вне земных предметов, без боли, беспокойства. “Страшные сны лирического героя, –